

Но улыбною одною
 Русскій витязь отвѣчалъ—
 Посмотрѣль, тряхнулъ главою:
 Ахнулъ дерзкій—и упалъ...
 Но упалъ онъ въ дальнемъ морѣ
 На невѣдомый гранитъ,
 Тамъ, гдѣ буря на просторѣ
 Надъ пучиною шумитъ.

Что толку жить?... Безъ приключеній
 И съ приключеньями—тоска
 Вездѣ, какъ безпкойный геній,
 Какъ вѣрная жена, близка!
 Прескучно съ шумною толпою,
 Сидѣть за каменной стѣною,
 Любовь и ненависть искать,
 Что съ разъ объ этомъ поболтать,
 Встрѣчать невольно и повсюду,
 Подъ гордой важностью лица,
 Въ мужьянѣ глупаго льстеца
 И въ каждой женщинѣ—Гуду.
 А потрудитесь разсмотрѣть—
 Все веселѣе умереть.

Конечъ! Какъ звучно это слово,
 Какъ много—мало мыслей въ немъ;
 Послѣдній стонъ—и все готово,
 Безъ дальнихъ справокъ. А потомъ?
 Пестомъ васъ чинно въ гробъ положутъ,
 И черви вашъ скелетъ обложутъ,
 А тамъ наслѣдникъ въ добрый часъ
 Придавитъ монументомъ васъ,
 Проститъ вамъ каждую обиду
 По добротѣ души своей,
 Для пользы вашей—и церквей
 Отслужитъ, вѣрно, панихиду,
 Которой, я боюсь сказать,
 Не суждено вамъ услышать.

И если вы скончались въ вѣрѣ,
 Какъ христіанинъ, то гранить
 На сорокъ лѣтъ, по крайней мѣрѣ,
 Название ваше сохранить.
 Когда жъ стѣснитесь ужъ кладбище,
 То ваше узкое жилище
 Разроютъ смѣлою рукой
 И гробъ поставятъ къ вамъ другой.
 И молча ляжетъ съ вами рядомъ
 Дѣвица нѣжная! Одна,
 Мила, покорна, хоть блѣдна.
 Но ни дыханіемъ, ни взглядомъ
 Не возмутится вашъ покой—
 Что за блаженство, Боже мой!

П а р у с ъ.

Вѣлѣтъ парусъ одинокій
 Въ туманѣ моря голубомъ...
 Что ищетъ онъ въ странѣ далекой?
 Что кинулъ онъ въ краю родномъ?
 Играютъ волны, вѣтеръ свищетъ,
 И мачта гнется и скрипитъ..

Увы! онъ счастья не ищетъ
 И не отъ счастья бѣжитъ!

Подъ нимъ струя свѣтлѣй лазури,
 Надъ нимъ лучъ солнца золотой;
 А онъ, мятежный, проситъ бури,
 Какъ будто въ буряхъ есть покой!

1833—1834.

* * *

Когда, надеждъ недоступный,
 Не смѣя плакать и любить,
 Пороки юности преступной
 Я мнилъ страданьемъ искупить;
 Когда бывшее ежечасно
 Очамъ являлось моимъ,
 И все, что свято и прекрасно,
 Отозвалось мнѣ чужимъ—
 Тогда молитвой безразсудной
 Я долго небу догучалъ,
 И вдругъ услышалъ голосъ чудный:
 «Чего ты просишь?» онъ вѣщалъ,
 «Ты низко палъ, но я ль виновенъ?
 Смири страстей своихъ порывъ,
 Будь, какъ другіе, хладнокровенъ,
 Будь, какъ другіе, терпѣливъ.
 Твое блаженство было ложно,
 Ужель мечты тебѣ такъ жалъ?
 Глупецъ! гдѣ посохъ твой дорожный?
 Возьми его, пускайся въ даль.
 Пойдешь ли ты черезъ пустыню
 Иль городъ пышный и большой,
 Не обожай ничью святыню,
 Нигдѣ пріютъ себѣ не строй!
 Когда тебя во имя Бога
 Кто пригласитъ на пиръ простой,
 Страхися мирнаго порога
 Коснуться грѣшною ногой;
 Смотрѣть привыкни равнодушно...»

Какая сладость въ мысли: я отецъ!
 Такъ говорятъ (иль думаютъ) иные,
 Когда съ невѣстой идутъ подъ вѣнецъ,

Но горе имъ!—въ любви бѣда излишекъ.—
 Толпа слюнявыхъ, скверныхъ ребятишекъ
 Ихъ окружитъ, какъ шумныхъ пчелъ семья,
 И свяжетъ ихъ.—Не женитесь, друзья!
 Но безъ женитбы какъ людское сѣмя
 Намъ продолжать?—о томъ въ другое время

Таинственная цѣль есть у людей;
 Различными невѣрными путями
 Къ ней идутъ все подъ ношею страстей,
 Къ ней идутъ все со смѣхомъ и слезами,
 Но отстаютъ отцы отъ сыновей.
 Любовь отца не встрѣтитъ той же въ сынѣ